

Истинный
ПРИНЦ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Каролин Сизо

ЭЗЛИН. ПРИКОСНОВЕНИЕ ТЕНИ

Лин Рина

КНИЖНЫЕ ХРОНИКИ АНИМАНТ КРАМБ

Лин Рина

ВСЕЛЕННАЯ АНИМАНТ КРАМБ.

Лондонские хроники

Катарина Зек

АДРИАНА В МИРЕ ТЕНЕЙ

Катарина Херцог

ФЭЙ. СЕРДЦЕ ИЗ ЛАВЫ И СВЕТА

Лаура Кнайдль

ШЁПОТ МАГИИ

Хэйлоу Саммер

ПРИНЦЕССА ПЕПЛА И ЗОЛЫ

Хэйлоу Саммер

Истинный
ПРИНЦ

Freedom

Москва

2022

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44
С17

Halo Summer
ASCHENKINDEL: DER WAHRE PRINZ

Published by arrangement with Ferly.

Саммер, Хэйлоу.
С17 Истинный принц / Хэйлоу Саммер. — Москва :
Эксмо, 2021. — 448 с. — (Young Adult. Немецкое ма-
гическое фэнтези).

ISBN 978-5-04-154322-8

Счастье Клэри и Испера длилось недолго. Девушке советуют остерегаться принца и внушают, что он совсем не тот, за кого себя выдает. Однажды Клэри сталкивается с сильной и опасной магией, когда получает письмо, в корне изменившее ее жизнь. В то время как Испер хранит секреты, Клэри отправляется в Царство Призраков, чтобы узнать больше о своем происхождении. Но что ей суждено там отыскать? Гибель или спасение? И сможет ли она найти путь домой, когда порталы между мирами закроются навсегда...

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-154322-8

© Кузнецова Е., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

В библиотеке тихо, и мой покой совершенен. Или был бы таковым, если бы моя добрая фея не наблюдала, как я стою на лестнице и смахиваю пыль с корешков книг — один за другим. То, когда она откроет рот и тем самым разрушит все волшебство этого зимнего дня — только вопрос времени.

С самого раннего утра хлопья снега густо кружатся над нашим домом, а лампы горят целый день. Еще год назад мы сэкономили бы на масле для ламп, но приятное преимущество моего замужества состоит в том, что денег у нас на данный момент более чем достаточно. Недостатки тоже есть. Один из них заключается в ошибочном убеждении моей феи-крестной в том, что я с нетерпением жду ее добрых советов относительно моей семейной жизни.

— Вместо того чтобы переставлять на полках книги, которые тебе прислал Испёр, и вытирать с них пыль, ты бы лучше их *почитала*.

— Моя дорогая почтенная фея, ты забыла — мы об этом уже говорили.

— То была крайне тщетная дискуссия, если ты это имеешь в виду.

— Вообще-то это была не дискуссия, — говорю я, — а четкий приказ с моей стороны, который гласил: пожалуйста, оставь меня в покое! Я свободный человек.

— Свободный? Ну да.

— Если для тебя узы брака означают нечто вроде тюремного заточения, то я понимаю, почему ты так долго избегаешь замужества.

Моя фея игнорирует эту провокацию и тихонько фыркает себе под нос. Однако уже спустя несколько минут переходит к очередной атаке:

— Хочется только пожалеть твоего мужа. Он так старается, а ты его ни капельки не поддерживаешь.

— Я и не знала, что тебя это как-то касается.

— Не касается? Меня? — расстроено восклицает она. — Неужели ты думаешь, что одна в этом мире?

Я тяжело вздыхаю и критически оглядываю свою фею: эта женщина едва ли больше гнома, но ее голос ошеломляет, как и вкус в одежде, а вернее, его абсолютное отсутствие, что регулярно вызывает у окружающих изумление и озадаченное покачивание головой. К тому же моя фея верит в самые нелепые призрачные видения и, насколько мне известно, у нее кроме меня нет ни одной подруги. Учитывая все эти предпосылки, было бы разумно, если бы она иногда, ну, время от времени, — как и любой другой человек, — испытывала какую-никакую неуверенность в себе. Но не тут-то было! Она всегда все знает лучше меня, и каждый раз, ког-

да я противоречу ей, превращается в упрямого нервного монстра, который настойчиво пилит меня, пытаюсь добиться своего.

— Выходя замуж, ты брала на себя обязательство, — объявляет она, наконец, тоном, который окончательно разрушает ту сонную, уютную атмосферу, которая так воодушевляла меня до этого. — Тебе нужно сделать *все* возможное, чтобы стать культурной и образованной дамой, дабы император однажды принял тебя. Если ты и дальше продолжишь в том же духе, император так и будет гонять своего сына по всему миру просто для того, чтобы удерживать его на расстоянии от тебя. Сколько раз Испёр был здесь с тех пор, как вы поженились? Три раза? Четыре? У твоего мужа есть план! Он хочет, чтобы тебя принимали при дворе. Но ты предпочитаешь квасить капусту, протирать пыль с книг и вычищать сарай, как какая-то служанка. Продолжай в том же духе, и однажды он и вовсе не вернется!

Я в шаге от того, чтобы выхватить с полки огромный тяжелый фолиант и швырнуть его в мою фею. Вот бестия! Всем своим гномьим весом с размаху ударила по самому больному месту. Видя ее торжествующее выражение лица, я решительно тянусь к «Жизни Хигготи Вутцби» и угрожающе поднимаю книгу в воздух. К сожалению, этот толстый том — подарок Испёра, и он настоятельно рекомендовал мне его прочитать. Я так и не продвинулась дальше четвертой главы, но судя по толщине книги, Хигготи Вутцби дожил до глубокой старости.

Моя фея снова открывает рот:

— Нет! — кричу я. — Хватит! Я никому ничего не должна, тем более — императору! Я не хочу, чтобы меня *принимали* при дворе. Я делаю то, что хочу, понятно? Испёр знал, во что ввязывается.

— А если он знал, тогда почему хочет изменить тебя?

— И вовсе не хочет. Просто у него проблемы с отцом.

— У *всех у нас* проблемы с его отцом, моя дорогая. — Моя фея говорит это полупшепотом, тем нарочито-примирительным тоном, который кажется мне еще более агрессивным, чем те открытые нападки, к которым она прибегала раньше. — Потому что его отец, к сожалению, глава нашей страны и самый могущественный человек в мире. Его желание — закон. И он, видимо, желает, чтобы брак его сына закончился как можно скорее. Его стратегия ясна как день: он позаботился о том, чтобы Испёр проводил в Амберлинге несколько дней в году, делая ставку на то, что постепенно вы отдалитесь и станете равнодушны друг к другу. Тебе восемнадцать, Испёру двадцать один, а в этом возрасте любовь приходит и уходит очень быстро.

«Жизнь Хигготи Вутцби» в моей руке вдруг становится почти неподъемной. Мимолетный приступ отчаяния и уныния заставляет меня вернуть книгу обратно на полку, вместо того чтобы попытаться убить мою фею. Каждый раз, когда снова вижу Испёра, он кажется мне чужим. Вероятно, так происходит потому, что я никогда не знала его особо хорошо. Но это не меняет

того факта, что каждый раз мы вновь влюбляемся друг в друга и едва ли в состоянии расстаться. Но как долго это будет продолжаться? Год? Три года? Или на самом деле до конца наших дней?

— А поскольку твой муж гораздо умнее и дальновиднее тебя, — безжалостно продолжает моя добрая фея, — он хочет убедиться, что однажды его отец примет тебя в императорском дворце, и ты так его очаруешь, что он забудет обо всех своих оговорках и одобрит тебя как члена императорской семьи, несмотря на то, что ты не можешь похвастаться ни малейшим проявлением магического таланта. Вступая в семью могущественных магов, нужно компенсировать недостаток одаренности другими сильными сторонами. Ты, в принципе, умная девушка. А будь у тебя образование и прекрасные манеры...

— Забудь об этом! — перебиваю я. — Я не собираюсь меняться только ради того, чтобы от меня не сбежал муж!

— Во-первых, — возражает моя фея. — Тебе нужно не меняться, а чему-то учиться. Это еще никому не повредило. Во-вторых, развод грозит разорением не только тебе, но и твоим сестрам. У вас нет *ничего общего*, а брачный контракт, на котором настоял император, гласит, что, если ты надоешь Испэру, то останешься у разбитого корыта.

— Он никогда не бросит меня на произвол судьбы. Даже если разлюбит.

— Ха! — восклицает моя фея. — Ты — наивное, невежественное дитя! Развод меняет людей. Ненависть после него становится едва ли

не больше, чем любовь когда-то. А ведь есть еще ущемленная гордость. Может, ты и сумеешь забрать себе несколько безделушек, которые он тебе подарил, но этого не хватит, чтобы всю жизнь кормить себя и своих сестер.

Я делаю глубокий вдох, но прежде, чем успеваю что-то ответить, она продолжает свои причитания:

— Кроме того, тебе стоит подумать и о том, что потеря благосклонности Испэра будет значить для Амберлинга. Для нашей провинции это станет настоящей катастрофой.

— Хватит! — кричу я. — Иди домой. Пробуй ингредиенты своего любимого варенья из виски, пока не увидишь, как в воздухе летают золотые короны, но, пожалуйста, оставь меня в покое!

— Нет, ты...

— Ты живешь не здесь, — холодно добавляю я. — Но, кажется, в последнее время ты совершенно об этом забыла. Как по мне, ты бываешь здесь слишком часто. Так что ступай!

Внезапно моя фея выглядит еще меньше, она словно съеживается и выглядит подавленной. Я ранила ее чувства — ранила намеренно, но теперь мне снова ее жалко. Ее взгляд медленно устремляется к окну, и пока моя фея смотрит, как на улице все падает и падает снег, я понимаю, что давят на нее вовсе не мои резкие слова.

— Я бы пошла, но... — произносит она и замолкает.

— Король-Призрак приближается, — заканчиваю я ее предложение. — Ну что ж. Тогда

просто посиди здесь, пока не прекратится снегопад, а я найду место, где смогу дышать свободно.

С этими словами я иду к двери, но моя фея по-прежнему взволнована:

— Куда ты хочешь пойти?

— В сад, насыпать корма в кормушки.

— Но ведь там *небезопасно*! Там же не видно ни зги! Ты можешь отойти от дома только на расстояние длины трех рук, дальше нельзя! Король-Призрак там, я чувствую это!

Суеверия моей феи порой более утомительны, чем ее лекции о моем заранее обреченном браке.

— Где ж мне взять такие длинные руки, чтобы добраться до кормушки? — с издевкой вопрошаю я. — Нет, так не пойдет.

И прежде, чем моя фея успевает что-то ответить, я тороплюсь выйти из библиотеки. Я не верю в Короля-Призрака и в его жутких подданных, которые в метель заманивают заблудших путников в свое Царство и якобы удерживают их там навечно. Но когда выхожу из дома через дверь в салоне, ведущую в сад, и бреду сквозь тихое и абсолютно белое ничто, я чувствую необъяснимый страх. С тех пор, как год назад осенью увидела, как из реки поднимается туманная нимфа, старые истории и песни, которые моя мама рассказывала мне, когда я была еще очень мала, обрели для меня новое значение. Чрезвычайно жуткое значение.

Возможно, он действительно существует, этот призрачный мир, который моя фея так лю-

бит и которого так боится. Сегодня мало кто помнит старую веру, и точно так же, как канула в небытие она, темные короли и ведьмы тоже не являются больше частью нашего мира. Они ушли, и не осталось дверей, которые вели бы в те края, где скрывается Король-Призрак или подобное странное существо. Надеюсь.

Наконец, среди снежной вьюги я различаю очертания кривого бука. С птичьим кормом в заплечной сумке поднимаюсь по лестнице, а откуда карабкаюсь по веткам к тому месту, где висит кормушка. Это каменный домик, который много лет назад я нашла на грязном пастбище у дороги. Отец тогда рассказал мне, что такие домики есть по всей стране. В древности они служили странникам и бездомным почтовыми ящиками, в которых те оставляли свои письма.

В детстве я каждый день забиралась на дерево и проверяла домик, надеясь, что какой-нибудь путник вложит в него письмо для меня, но все, что находила моя рука — только мох, пауки и высохшие листья. Однажды зимой отец предложил повесить дом на буке, чтобы от старого почтового ящика была польза для птиц. С тех пор он там и висит, а я наполняю его зерном, как только выпадает первый снег.

После многих лет практики я точно знаю, на какую ветку встать, как повернуться и потянуться, чтобы добраться до маленького каменного домика, висящего в воздухе. Я просовываю руку внутрь домика и начинаю высыпать зерна, когда чувствую, что кончики пальцев сталкивают-

ся с неожиданным сопротивлением. Бумага — в кормушке лежит бумага!

Я с недоверием вытаскиваю из кормушки нечто, похожее на письмо. Сложенный вдвое, выцветший, покрытый коричневатыми пятнами лист бумаги, закрытый печатью из черного воска. Сначала я какое-то время просто смотрю на него, затем кладу в карман и продолжаю насыпать корм в кормушку. После немного наблюдаю за тем, как птицы подлетают и без малейшего страха забираются в домик. Однако вскоре любопытство побуждает меня спуститься по лестнице вниз. У подножия дерева меня ждет, громко и выжидательно мяукая, наш толстый кот Гворрокко. О чем только думает это создание? Что я сейчас вытащу из кармана птицу и запихну ее в его раскрытую пасть?

Вместо вкусной птички достаю из кармана письмо, и Гворрокко приходит в ужас. Он выпучивает на бумагу глаза, и все волоски на его шерсти встают дыбом. Кот стоит совершенно неподвижно, потом начинает злобно шипеть (или это приглушенный визг?) и убегает так быстро, словно за ним гонится стая охотничьих собак Випа.

Снег все продолжает идти. Он падает с неба огромными хлопьями, и мне не видно ни нашего дома, ни тропинки, ведущей к нему. Я осматриваю странное письмо со всех сторон и, так и не сумев представить, кто мог бы мне его отправить, наконец, ломаю печать. Письмо написано черными чернилами, почерк прост и лишен всякой вычурности, размашистые буквы выведены

решительной рукой. Послание чрезвычайно короткое.

«Начинается, — написано на бумаге. — Готовься, дочь нечестивой!»

Я нерешительно оглядываю белизну нашего сада. Людей, знающих, что человек, которого большую часть своей жизни я считала своим папой, не был моим биологическим отцом, очень мало. В ночь моего рождения он принес меня из постоялого двора с дурной славой, что носит дурацкое название «Хвост Аллигатора», и воспитал так, как если бы я была его родной дочерью.

Моя мать была одной из тех молодых девушек, которые зарабатывали себе на жизнь в этом кабаке. Ее звали Джана. Я ничего о ней не знаю, кроме жутких песен и историй, которые она пела и рассказывала мне всякий раз, когда навещала меня. Она умерла до того, как мне исполнилось шесть. С прошлого лета я дважды пыталась расспросить о ней хозяина «Аллигатора». Однако оба раза он реагировал грубо и почти враждебно. «Оставь это дело, дитя! — ворчал он. — Что было, то прошло, а императору об этом знать не следует».

Нет, император ни в коем случае не должен был узнать, что моя мать была проституткой. Но тот, кто написал это письмо, кажется, знает мою тайну. Он хочет напугать меня? Угрожать мне? Или он знает о моем настоящем отце то, что следует знать и мне?

— Мой отец живет здесь? — спрашивала я хозяина «Аллигатора». — Это безмозглый па-

рень из города? Или моряк, который так и не вернулся? Кем он мог быть?

— Откуда мне знать?

— Он ей нравился?

Ничего не сказав, хозяин «Аллигатора» повернулся ко мне спиной и ушел. Просто оставил мой вопрос без ответа. Но именно то, что он отверг меня вместе с моими вопросами в такой бесцеремонной манере, заставляет задуматься, что история моего появления на свет, возможно, не так банальна, как кажется. А может, я просто на это надеюсь? Может, мне хочется, чтобы мои родители любили друг друга? Как убого. Здесь и сейчас для моего существования не имеет абсолютно никакого значения, что происходило в «Хвосте Аллигатора» до моего рождения. Все закончилось; ушло навсегда, когда я прибыла сюда, в этот дом и в этот сад, в первую ночь своей жизни.

Я откладываю неожиданное письмо, стараясь не думать о Короле-Призраке и его жутких подданных, отхожу от заснеженного бука и бреду к садовым воротам, где на старом фонарном столбе висит вторая кормушка. Следы, которые я оставила десять минут назад по дороге к кривому дереву, давно исчезли под свежим снегом. Какое-то время я не вижу вообще ничего — ни дома, ни деревьев, ни тропинки, ни забора.

— Клэри?

Голос, зовущий меня, — вполне земной. Он звучит как голос Випа, но этого не может быть, потому что бывший кронпринц Амберлинга уже три месяца пребывает в имперской столице,